

Сяо Шанли остался стоять на месте, сжимая поводья в руках. Его лошадь, белоснежная, без единого пятнышка, казалась такой же безупречной, как и его рука, лежавшая на седле.

Густой лес гинкго скрывал небо, а в глубине леса, вдали от суеты, находился Дзен-храм Золотого Леса, где жил великий гроссмейстер Южной Чу, мастер Сыхань. Лэ Юй, держа поводья, мчался на лошади, как стрела, направляясь в горы за пределами города.

Горные ущелья были глубокими, внизу журчали ручьи, и лошадь перескочила через деревянный мост, похожий на радугу. Лес был тихим и прохладным, почти без солнечного света, наполненным чистым воздухом гор и деревьев. Лэ Юй, оказавшись здесь, почувствовал, как все мирские заботы покидают его, и, хлопнув лошадь по спине, спрыгнул с седла, привязал её у ручья и, словно на прогулке, сломал ветку, чтобы использовать её как посох, и продолжил путь, напевая.

Каменная дорога извивалась вверх, и он поднялся по узкой лестнице шириной в два фута. В десяти шагах от жёлтых стен храма его встретил молодой монах лет двадцати с небольшим, одетый в рясу и с посохом. Он спокойно стоял перед Лэ Юем и, закрыв глаза, произнёс:

— Я монах Шаньжэнь. Могу ли я спросить, зачем вы пришли, уважаемый гость?

Его слова эхом разнеслись по горам, словно волны.

Лэ Юй ответил:

— Я пришёл в ваш храм навестить друга.

Не отступая, он громко крикнул:

— Гунсунь Цзычоу!

Его голос, подобный звону храмового колокола, спугнул птиц, и из глубины храма вышел монах, похожий на сухое дерево. Его лицо было жёлтым, а одежда — грязной и рваной, но рукава были широкими и длинными, полностью скрывая руки.

Гунсунь Цзычоу больше не существовало, был только «Хуэйван». Шаньжэнь сказал:

— Брат Хуэйван, раз к тебе пришёл друг из мира за пределами храма, ты должен принять его.

Произнеся молитву, он ушёл. Лэ Юй последовал за Хуэйваном, но тот не отвечал и даже не смотрел на него. Лэ Юй нахмурился, держа в руках длинный ящик, и начал атаковать Хуэйвана, каждый удар был смертельно опасен.

Хуэйван вытащил руки из рукавов. Его ладони были широкими, как молоты, но кости торчали сквозь кожу, словно когти призрака. Едва он попытался схватить Лэ Юя за плечо, тот откинулся назад.

Хуэйван протянул руку, но Лэ Юй отскочил на несколько метров и запрыгнул на вершину дерева.

— Сколько лет мы не виделись, а ты стал монахом, немой, и твои навыки улучшились.

Хуэйван стоял под деревом, не говоря ни слова.

Лэ Юй, сидя на вершине дерева, смотрел на высокую башню за жёлтыми стенами храма. Там, в башне, уже несколько десятилетий жил великий гроссмейстер Южной Чу, и его мощная аура заставляла даже Лэ Юя, владыку острова Пэнлай, вести себя сдержанно. Он улыбнулся башне, сдерживая свою энергию, и спрыгнул вниз.

— Зачем драться? Мы уже дрались в прошлом — и ты всё равно не сможешь победить меня.

Если бы это был старый Гунсунь Цзычоу, он бы уже взорвался от гнева, но Хуэйван, как глухой и немой, оставался невозмутимым.

Гунсунь Цзычоу был учеником Чу Фанхуэя, известного мастера кузнечного дела из Врат Литейщиков. Несколько знаменитых мечей того времени были созданы мастером Чу, и самым известным из них был «Сяньсянь», который держала в руках госпожа Сяньюй.

Мастер Чу и его жена, известная кузнечица У Цинной, вместе создали «Сяньсянь» и подарили его госпоже Сяньюй, назвав его так за его «тонкость, как у луны». Однако после того, как мастер Чу самостоятельно создал «Цици», они расстались, и У Цинной отправилась в Северную Хань, где стала почётной гостьей государственного советника Шу Сяоина. Меч «Фэньцзин», принадлежавший принцессе Яогуан, был её работой. Среди мечников ходили слухи, что «Цици» и «Фэньцзин» должны сойтись в битве, и Лэ Юй с принцессой Яогуан также должны были встретиться. Это было предначертано судьбой, и избежать этого было невозможно.

После смерти мастера Чу он оставил два меча без владельца своему ученику. Многие жаждали заполучить их, и Гунсунь Цзычоу, напившись, случайно раскрыл место их хранения. Из-за этих двух мечей пролилось много крови, и он поклялся никогда больше не произносить ни слова. Он провёл семь дней на коленях перед храмом, поклонившись тысячу раз, и стал монахом, чтобы найти защиту у великого гроссмейстера Сыханя, охраняя два меча без владельца.

Лэ Юй передал деревянный ящик Хуэйвану.

— Ты помнишь его?

Когда Хуэйван взял ящик, его лицо смягчилось, и в его глазах появилась нежность, как будто он смотрел на давно потерянную и недостижимую любовь. Он осторожно провёл рукой по ящику, вытер его о свою одежду и открыл крышку. Внутри лежала цитра, сделанная из дерева павлонии, с почти полностью стёртым лаком. Хуэйван изменился в лице, и, когда он тронул струны, они издали резкий и неточный звук. Внутри цитры был спрятан меч «Цици», который после того, как покинул остров Пэнлай, стал излучать зловещую ауру. Мечи часто

предупреждают о чём-то, но Лэ Юй не понимал, о чём предупреждал «Цици», и решил спросить Хуэйвана. Однако тот бросил ящик обратно Лэ Юю, словно боясь его.

Лэ Юй прыгнул на полметра вверх, демонстрируя превосходное мастерство циньгун. Хуэйван двигался быстро, и Лэ Юй следовал за ним.

— Монах, мы знаем друг друга столько лет. Даже если ты не хочешь вспоминать прошлое, ты мог бы дать мне несколько буддийских наставлений, чтобы я мог избежать беды.

Хуэйван, не имея возможности скрыться, уже стоял у ворот храма. Он вздохнул, и его тихий голос, как шёпот, донёсся до ушей Лэ Юя.

— ...Учитель перед смертью сказал, что «Сяньсянь» и «Цици» были выкованы из одного материала. Если бы они были любовниками, возможно, удалось бы достичь гармонии. Но они — мать и сын... «Сяньсянь» неизбежно будет сломлен «Цици»! Будь осторожен.

Он вошёл в храм, а Лэ Юй, глядя на его спину, почувствовал, как в его руках появилась тяжесть.

Это был меч, который убивал мать. И сейчас, когда он излучал зловещую энергию, Лэ Юй вместе с ним готовился войти в бурные времена Цзиньцзина.

Эта поездка с острова не задалась. Хуэйван вошёл в храм, двери закрылись, и зазвучал колокол. С каждым ударом колокола ветви деревьев дрожали, а у ворот храма собрались монахи. Четыре белые фигуры, как защитники-дхармапалы, появились в облаках. Это были молодые монахи в белых одеждах, и Шаньжэнь, стоявший во главе, ударил посохом о землю и громко сказал:

— Мы с тремя старшими братьями по приказу учителя провожаем вас, уважаемый гость. Идите с миром и будьте осторожны.

Лэ Юй оглядел четырёх монахов.

— Формация Восемнадцати Дзен-храма Золотого Леса известна наравне с Формацией Тюрьмы Двойного Цвета из Усадьбы Хуаньхуа. Я давно слышал о вашей славе, и теперь, увидев вас четверых, могу считать, что познакомился с вашим мастерством.

Он громко рассмеялся, повернулся, обнял ящик с цитрой и, словно обнимая возлюбленную, похлопал его по спине, говоря: «Всё будет хорошо». Затем он спустился с горы. Слова Хуэйвана были шокирующими, но он не верил, что «Цици» действительно заставит его убить мать.

Во-первых, он никогда не смог бы победить её; во-вторых, «Сяньсянь» давно был потерял мать в горах Восточного У; и, в-третьих, самое главное... он только подумал: «Надеюсь, я ошибаюсь».

Среди всех мечей он любил только этот. Он давно мечтал о «Цици», но мастер Чу не хотел легко отдавать его, сказав, что меч останется в Вратах Литейщиков, и если кто-то осмелится попробовать, пусть попробует.

Когда Лэ Юй был подростком и путешествовал, он пробрался в Врата Литейщиков в поисках меча. «Цици» тогда звенел в ножнах, ожидая его. Взяв меч в руки, он осторожно вытер его, и Чу Фанхуэй, услышав, что он — недостойный сын острова Пэнлай, вздохнул и позволил ему уйти с «Цици» без последствий. Это было почти как романтическая история о побеге с возлюбленной. Лэ Юй был предан «Цици», и, хотя меч излучал зловещую энергию, он считал, что его возлюбленная просто капризничает.

Ближе к полудню в Цзиньцзине была одна лечебница — маленький двор с вывеской «Зал Зелёного Бамбука». Внутри действительно росли бамбуки, такие зелёные и нежные, что напоминали шёлковый полог. Спустившись по пяти узким каменным ступеням, Лэ Юй увидел бамбуковую рощу, которая окружала двор, словно зелёная завеса. Он обошел двор и вошёл внутрь, где его остановил молодой человек на четыре-пять лет старше Чуньбао, бросивший бамбуковый ковш.

— Господин, что вы хотите?

Лэ Юй ответил:

— Я пришёл лечиться.

Юноша облегчённо вздохнул:

— Чтобы лечиться у доктора Иня, нужно сначала записаться.

Лэ Юй сказал:

— Я пришёл не лечиться у него, а лечить его.

Юноша удивился, осмотрев его:

— Господин... вы тоже врач? Но доктор Инь не болен. Что вы собираетесь лечить?

Лэ Юй достал письмо, написанное Гу Санем, и загадочно произнёс:

— Тоску.

<http://bllate.org/book/15272/1348057>